В двадцать три не пишут мемуары,
Только память роется в судьбе
И опять приводит в добрый, старый,
Незабытый мой Десятый «Б».

Это было в классе, на уроке.
Уходил последний школьный май.
За окошком, звонкий и высокий,
Будоражил звон пичужьих стай,

Зелень ослепляла новизною,
Голову кружила синева,
Юность в совокупности с весною
Заявляли дерзкие права.

Мы влюблялись, спорили с азартом,
Мы сливались с шумностью весны,
Нас с трудом приковывала к партам
Разве только близость выпускных.

Теоремы, формулы, фигуры,
Книги с их бесчисленностью строк…
Только вдруг – урок литературы,
Странный, не похожий на урок.

Вдруг привычность всю переинача,
Сушь урочных схем нарушив враз,
Новая, нелёгкая задача
В этот день обрушилась на нас.

Не было опроса в утро это,
Не было оценок в дневниках,

Но была престранная анкета
И ответы наши на листках.

Бушевали в нас сомнений вихри:
Как принять? Как шутку? Как игру?
Но спустя минуту, вдруг притихли
Двадцать семь склонившихся к перу.

Словно тайный лучик наши души
Высветил до самой глубины.
А вопросы были так насущны,
Так до неизбежности нужны!

И, на час забыв о звоне птичьем,
Даже о спасительном звонке,
Мы, трудясь с усердьем необычным,
Выводили строки на листке.

Мы писали не по принужденью,
Мы молчать и сами не могли,
Мы искали самовыраженья,
Мы в восторге были, что нашли!

Откровенья ради, правды ради
Радостно писал Десятый «Б»
О добре и зле, о лжи и правде,
О любви, о счастье, о себе.

Мы писали так, не по веленью,
За ответом следовал ответ.
Мы писали юность поколенья,
Мы писали собственный портрет.

То мрачнели, то светлели лица,
Мы кусали ручки, тёрли лбы…
Заполнялась новая страница
Общечеловеческой судьбы.

Любовь Сирота